

УДК 297.1

DOI: 10.17223/19988613/72/2

Д.С. Брилева

БЛАГОСОСТОЯНИЕ КАК ДОСТОИНСТВО: ПУБЛИЧНЫЕ ДИСКУССИИ В ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПРЕССЕ ТАТАР-МУСУЛЬМАН РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Исследование посвящено богословским дискуссиям по экономическим вопросам, происходившим в татарском мусульманском сообществе Российской империи начала XX в. Мусульманские интеллектуалы расценивали неудовлетворительное экономическое положение мусульман России как унижающее (концепция общества достоинства А. Маргалита). Ответом на этот вызов стало стремление к обществу достоинства. Статья основана на анализе материалов периодической печати татар-мусульман начала XX в.

Ключевые слова: история Российской империи, история ислама в России, татарская периодическая печать, журнал «Шура», журнал «Иктисад».

Введение

Вопросы экономики представляли интерес для мусульманских интеллектуалов Российской империи по разным причинам. *Закят*, являясь одним из пяти столпов ислама, составлял основу фонда мусульманских общин, проживавших на территории империи. Мусульманские институты зачастую существовали за счет средств *закята*¹ и *садака*² членов общины. Так, состоятельные мусульмане Российской империи оплачивали нужды общины, и прежде всего образовательные учреждения. При этом можно говорить о многоуровневости общин. Наименьшая из них – та, которая объединялась вокруг *махалли*³ и которая в экономическом смысле оформлялась вокруг общего минимального общественного института: мечети и *мектеба*⁴ при ней. Особо состоятельные мусульмане финансировали постройку и содержали крупные *медресе* регионального значения. С появлением первых новометодных *медресе* их финансирование звали на себя такие татарские предприниматели, как А.Я. Сайдашев, А.Ф. Рахматуллин, М.-С. Галикеев. В дальнейшем реформы были продолжены их молодыми последователями, так называемым вторым поколением реформаторской буржуазии, в лице С.М. Аитова, А.М.-Ю. Апаева, М.-Б. А.-К. Апаева, Ш.М.-З. Апаева, М.-С. М.-С. Галикеева, М.-Р.И. Юнусова и многих других [1. С. 83–84]. Одному из известных меценатов Ахмету Хусаинову, на средства которого было открыто медресе «Хусайния» в Оренбурге, посвящена книга Р. Фахретдина [2]. Деятельность меценатов, средства которых составляли своеобразный *байт ал-мал*⁵ общины, расходовались и на поддержание религиозного образования мусульман. Нужно отметить, что практика передачи средств *закята* на поддержку образовательных учреждений приживалась тяжело: для некоторых состоятельных мусульман расходование их на содержание *мектебов* и *медресе* долгое время оставалась сомнительной: «До сегодняшнего дня весь народ, и прежде всего улемы, говорили, что расходовать *закят* в пользу *мектебов* и *медресе*

неверно. Появились молодые *‘алимы*. Им пришлось много увещевать и пережить много трудностей (на этом поприще. – Д.С.). Народ уже начал понимать эту проблему. Стало увеличиваться количество людей, убежденных в том, что выплачивать *закят* в пользу *мектебов* и *медресе* является правильным с точки зрения шариата, есть даже люди, которые действительно выплачивают» [4. С. 90].

Реформы в сфере религиозного образования в отечественной научной литературе обычно описываются термином *джадидизм*. Джадидизм первоначально обозначал новое слово в религиозном образовании (от арабского (в татарской фонетической традиции) *исул джадид* – новый метод). Впоследствии этот термин стал использоваться в отношении масштабного культурного обновления и даже нацистроительства [5; 6. С. 24]. Стоит отметить политизированность данного термина. Насколько такие обновленческие процессы были масштабными – этот вопрос остается открытым. После 1990-х гг. тема джадидизма нередко использовалась для построения «славной истории» татарского народа в рамках формирования политики культурной памяти, преимущественно в академических и околоакадемических кругах Республики Татарстан. С течением времени масштабность этого явления начинает оспариваться, подчеркивается характерность джадидизма, скорее, для крупных городов и отдельных, прежде всего интеллектуальных, кругов мусульманского населения Российской империи. Использование этого термина подвергается критике также и в связи с упрощением истории ислама российских мусульман, где джадидизм предстает в качестве особого периода просвещения в противоположность всей остальной истории ислама в Российской империи (подробнее см.: [7, 8]).

Несмотря на то, что масштабность образовательных реформ среди мусульманских сообществ Российской империи является предметом дискуссии, обширность публичных обсуждений вопросов образования запечатлена в периодической прессе. Обсуждения проблем образования поднимались не в последнюю очередь

в связи с финансово-экономической ситуацией в мусульманском сообществе России, поскольку считалось, что существовавшая система образования не позволяла выпускникам рассчитывать на квалифицированную работу. Экономические вопросы как в связи с религиозным образованием, так и безотносительно к нему являлись предметом большого интереса мусульманских интеллектуалов Российской империи начала XX в.

На этот период времени приходится и распространение в России банков [9. С. 139]. Для мусульманских предпринимателей, которые были встроены в экономическую систему Российской империи, оставаясь при этом частью мусульманского сообщества, вопрос дозволенности пользования услугами банков являлся весьма болезненным⁶. Вовлеченность мусульманских предпринимателей в общеимперскую банковскую сферу рождала социальный запрос на пересмотр мусульманскими учеными (как отечественными, так и зарубежными) коранического запрета на взимание процента, заставляла искать способы обхода этого запрета в угоду экономическому процветанию общины или определенной ее части. Индустриализация Российской империи, в которую были вписаны и мусульманские регионы и которая требовала все большего количества рабочих рук, толкала к переосмыслению отношения к труду в мусульманских сообществах империи.

Вопросы экономики в соотношении с татарским мусульманским сообществом Российской империи поднимались на страницах трактатов татарских ученых и богословов. Так, еще в середине XIX в. Хусайном Фаизхановым⁷ была разработана концепция финансирования мусульманских учебных заведений, которая, в частности, включала печатание качественных экземпляров Корана и их продажу, а также издание журнала, основное содержание которого было бы посвящено распространению образования и который была бы обязана выписывать каждая *махалля* [10. С. 30–31]. Габделгаллям Фаизханов (1850–1910), брат Хусаина Фаизханова, отмечал, что бедность, порожденная ленью, является врагом религии и нации (*миллет*) [11. С. 39]. Зыяэтдин Камали⁸ подчеркивал значение справедливого распределения *закята*: «Если бы средства от *закята* использовались согласно должному строю и порядку, то в обществе уже давно появились бы десятки университетов, сотни колледжей для учителей и учительниц, более тысячи ремесленных, сельскохозяйственных и других школ. Более того, мусульмане могли бы основать великие школы и на землях других народов, оказав тем самым помощь всему человечеству» [12. С. 137].

Еще до массового появления периодической печати на (старо)татарском языке, с началом издания газеты «Терджиман» / «Переводчик»⁹ стали предприниматься попытки проведения общественных дискуссий по острым вопросам современности. Например, Риззэтдин Фахретдин¹⁰ на страницах газеты сформулировал десять вопросов, касающихся образования, последний из которых касался источников финансирования школ. В частности, его интересовала возможность отнесения нужд образования к категории получателей *закята* «*фи сабили-ллах*» / «на пути Аллаха» [13. С. 9–11].

Ответы на вопросы, которые первоначально были опубликованы в газете, Р. Фахретдин позже собрал в книге «Школа и закят» [13], в которой также приведены собственные соображения составителя. *Закят* рассматривается им как необходимый источник финансирования образования в условиях отсутствия государственной поддержки этно-конфессиональных образовательных учреждений: «Не стоит надеяться на то, что национальное и религиозное образование будет поддерживаться за счет средств государственной казны. Потому что средства государственной казны... расходуются лишь на заведения, основанные с целью воспитания слугителей государства» [Там же. С. 54].

Первая Русская революция 1905–1907 гг. и подписание Манифеста 17 октября 1905 г., который среди прочего провозглашал также и свободу слова [14], сделали возможным массовое появление периодической печати татар-мусульман. До выхода в свет первых национальных изданий было предпринято несколько попыток выпуска периодики на татарском языке, которые не увенчались успехом [15. С. 97]. Причины, по которым периодика на национальных языках на деле встречала преграды, можно объяснить тезисом Бенедикта Андерсона о том, что многие «старые нации» оказываются перед лицом вызова, бросаемого «дочерними» национализмами [16. С. 27]. В то же время существовали и внутренние причины отсутствия периодических изданий у татар Поволжья и Приуралья. Как показывает Эдвард Лаззери, на момент основания газеты «Терджиман» и в первые годы ее выхода И. Гаспринский весьма остро нуждался в средствах для поддержания своего детища. Однако от своих единомышленников добиться финансовой помощи ему не удавалось, поскольку сама мысль издания татарских газет воспринималась тюрками-мусульманами России как еретическая как в Волго-Уральском регионе, так и на Кавказе [17. С. 152–153].

Периодическая печать способствовала выходу дискуссий со страниц отдельных сочинений узкого круга ученых и богословов, расширению масштаба обсуждений, вовлечению широкой публики в дискуссии, а также проявлению тех отрывочных мыслей, которыми делились со своими современниками неизвестные большинству читателей представители татарской мусульманской интеллигенции. Пресса татар-мусульман Волго-Уральского региона Российской империи, которая издавалась между двумя Революциями – 1905–1907 и 1917 гг., представляла собой социальный механизм, позволивший географически рассредоточенным общностям мусульман России организовать площадку для публичных обсуждений различных острых вопросов современности, включая вопросы экономики. В программной статье журнала «Шура» главный редактор определяет цель и направление издания следующим образом: «‘Шура’ станет совещательным советом на пути приобщения нации (*миллет*) к науке и образованию. На этом совете кто пожелает – выскажет свое мнение, кто пожелает – послушает. Если, с одной стороны, авторы и журналисты будут писать литературные, научно-популярные, научные статьи, а с другой стороны, заинтересованные лица будут с интересом

читать, то можно будет считать, что «Шура» достигла своей цели на своем поприще» [18. С. 1].

Богословские дискуссии по отдельным вопросам экономики на материалах периодики изучались и ранее [19–23], однако исследования носят преимущественно описательный характер. Несмотря на то, что введение новых источников в научный оборот, безусловно, важно, эти исследования, как правило, рассматривают дискурс в рамках концепции *джадидизма*, о которой говорилось выше. Данное исследование является первой попыткой рассмотрения дискуссий по экономике, проводившихся на страницах периодической прессы, как часть общего дискурса, ставящего во главу угла процветание нации (*миллет*) (подробнее о концепции прогресса нации (*таракки-е миллет*) см.: [24. С. 22–23]).

Данное исследование построено на анализе публикаций журналов как общей направленности, таких как «Шура» («Совет») ¹¹, «Дин ва магишат» («Религия и жизнь») ¹², так и специального экономического – «Иктисад» («Экономика») ¹³.

Нижняя хронологическая граница исследования обусловлена прежде всего тем, что количество периодических изданий татар-мусульман после 1917 г. сократилось, поскольку согласно Декрету о печати, принятому Советом Народных Комиссаров 9 ноября 1917 г., буржуазные периодические издания подлежали закрытию [25].

В качестве методологии была использована теория общества достоинства Авишай Маргалита [26], которая позволяет рассмотреть дискуссии, развернувшиеся на страницах периодики татар-мусульман Российской империи, как часть дискурса «достоинства–унижения».

«Мы» и «они»: «униженные» и «достойные»

Одну из основных проблем современности авторы журнала «Шура» видели в «отсталом» положении мусульман по всему миру. К началу XX в. часть татар-мусульман Российской империи уже имела возможность передвигаться как по территории самой России, так и по разным регионам Османской империи, Западной Европы, а также Южной Америки, сравнивая при этом условия жизни мусульман различных регионов России (Волго-Уральский регион, Крым, Центральная Азия, Кавказ) с положением дел в мусульманских и немусульманских сообществах. Ярким примером тому являются статьи-письма мусульман, написанные из путешествий или мест обучения, которые публиковались в периодических изданиях тех лет. Один из самых известных случаев связан с главным редактором газеты «Вақыт» / «Время» (1906–1917) и издателем Фатиха Карими (1870–1937), авторству которого принадлежит серия очерков «Стамбульские письма», написанных для упомянутой газеты. В них автор помимо Балканских войн описывал и социальную жизнь столицы Османской империи, а также дискуссии среди турецкой интеллигенции по животрепещущим вопросам и состояние простого народа [27. С. 139–141].

Еще одним способом получения информации изда-

тельной периодической прессы. Так, в фокусе журнала «Шура» были издания мусульман, проживавших в других регионах, среди них «ал-Манар» («Маяк»), издававшийся в Египте, который, по утверждению С. Дюдуаньона, был прототипом детища Р. Фахретдина и так же, как и журнал «Шура», являлся плодом деятельности одного человека – Рашида Риды (1865–1935) (подробнее см.: [28]). Однако в отличие от «ал-Манара», который служил, скорее, примером для подражания и источником вдохновения, срез ситуации давался через небольшие заметки-перепечатки из таких изданий, как газета «Терджиман» / «Переводчик» И. Гаспринского, «Ал-Хияль» («Полумесяц» – ежемесячный египетский культурный и литературный журнал), «Ал-муктатаф» («Наиважнейшее» – ежемесячный ливанско-египетский журнал научного и литературного характера), а также ряд других.

Попытка осмысления места мусульман, которые при подобном подходе рассматривались как единая мусульманская *умма*, в общем мировом контексте базировалась на противопоставлении двух понятий: *таракки* («прогресс») и «отсталость». Пытаясь вписать себя в «систему координат» народов / наций (*миллетлер*), авторы журнала «Шура» разделяли их по принципу отношения к прогрессу: «мы», погрязшие в стагнации, и «они» – развитые народы. Под «мы» понимались как мусульмане в целом, так и татары-мусульмане Российской империи в частности. Понятие *таракки* (встречается также однокоренное слово *тараккият*), означающее прогресс, рост, развитие, было важным и широкоупотребительным в татарской периодической печати начала XX в. Увлеченность мусульман, в особенности молодого поколения, идеей прогресса хорошо иллюстрирует отрывок из журнала «Мектеп» («Школа»): «...в книгах, журналах и газетах нападки на логику все еще продолжают. В несчастных шакирдах, принимающих каждую мысль, напечатанную в газете за истину и склонных к крайностям в *тараккипарваризме* (от араб. *таракки* прогресс, перс. *парвар* лелеющий, воспитывающий, с использованием русского суффикса “-изм”. – Д.Б.), огонь этой ненависти распался еще сильнее» [29. С. 43].

Другое ключевое понятие рассматриваемого дискурса – *миллет* (народ, нация) – наряду с производными словами *милли* («национальный»), *миллетбез* («наш народ») на страницах периодической прессы встречается достаточно часто. Дискуссии по тем или иным социальным и религиозным проблемам, поднимаемым в периодических изданиях, рассматривались в тесной связи с благом народа. Однако кого конкретно имели в виду авторы писем-статей, говоря о «нашем народе»? По утверждению Пола Верта, для России не был характерен гражданский строй, при котором все население страны было бы наделено одинаковыми правами и обязанностями, напротив – конфессии, скорее, становились одним из важнейших инструментов разделения общества на обособленные компоненты [30. С. 44]. Роберт Джераси, говоря о причинах религиозной доминанты в самоопределении тюрок-мусульман, отмечает, что «поскольку несправедливости в отношении тюркоязычных народов чаще всего были основаны на

религиозной дискриминации, они совершенно естественным образом воспринимали движение в поддержку собственного самоутверждения как мусульманское» [31. С. 344]. Вслед за подписанием Манифеста 17 октября 1905 г. верующие в России почти по всем показателям стали пользоваться большей религиозной свободой [Там же. С. 62], что позволило мусульманскому населению в меньшей степени опираться на религиозную самоидентификацию и акцентировать внимание на различиях языков и обычаев внутри общей тюркоязычной *уммы*.

Разделение народов мира на «отсталые» и «развитые» перетекало в разделение их на тех, кто живет в обществе достоинства, и тех, кто нет. Как заявляет Авишай Маргалит, унижение распознается легче, чем уважение [26. С. 4–5]. Этот тезис объясняет, что авторы статей прежде всего описывали конкретные сферы, в которых проявлялось унижение современных им мусульман.

Говоря про униженное положение, следует подчеркнуть, что авторы журнала «Шура» прежде всего обсуждали коллективное финансово-экономическое унижение наряду с «отсталостью» в вопросах образования и воспитания нового поколения, «отсталым» и униженным положением женщины в семье и обществе.

Бедность мусульман как Российской империи в частности, так и всего исламского мира в целом в журнале «Шура» расценивалась как причина многих бед, унижающих достоинство мусульман: «С точки зрения мирских и религиозных интересов всех мусульман, с позиций общества, культуры и просто жизни, нищета, несомненно, является вредоносной и порождает другие беды» [32. С. 682]. «Сегодня потребность в достатке и богатстве огромна. Если с помощью денег достигается богатство, то это не помешает. Кто знает, может быть, отвечать перед Всевышним Аллахом за богатство будет легче, чем за бедность!..» [Там же. С. 752–753].

При этом при разграничении понятия богатства и бедности первое определяется как достаток, при котором отсутствует бесцельная трата, второе же представляется отсутствием этого достатка [Там же. С. 682].

Именно сравнение положения собственного *миллета* с соседями, осознание конкурентных отношений с ними стало основным фактором пересмотра отношения к финансово-экономическому благополучию населения. В сравнении с Другими положение мусульман оказывается ущемленным: «Таким образом, люди, в необходимой степени вооруженные всевозможными видами материального и интеллектуального оружия, подобно потоку, ниспадающему с горных вершин, заполняют весь мир невежества <...> и если мусульманин выбирает для себя нужду и бедность, перед этим потоком он будет лишь как соломинка» [Там же. С. 655].

Подчеркивалось, что добровольный отказ от стремления к материальному достатку и, как следствие, экономическая зависимость отдаляют мусульман от достижения основной цели своей жизни – довольства Аллаха. Кроме того, говоря языком авторов статей периодики татар-мусульман, при таком отношении к делу долг мусульман Другим не будет погашен, эко-

номическая кабала – худшая из видов рабства – не будет иметь конца, и наступит бедность, от которой Пророк прибегал к Аллаху [32. С. 682].

Оценивая уровень благополучия мусульман как низкий, авторы журнала «Шура» обращали внимание на то, результатом чьих действий это можно было бы назвать. Униженное положение мусульман по отношению к Западному миру оказывается следствием собственного безразличного отношения к своим ресурсам: «Во всех концах света иноземцы используют богатства мусульман. Причиной этому является то, что мусульмане не ценили собственных богатств (*нигмат*), не сумели воспользоваться изобилием, дарованным им Всевышним» [33. С. 229]. Или же: «По всему свету иностранцы пользуются богатствами ислама. Сами мусульмане в этом отношении очень отстали. Взглянем, к примеру, на торговлю: в Туркестане большая часть торговли в руках русских и евреев; в Египте и Индии – у англичан; Турция также под властью иностранцев, в частности немцев» [34. С. 136].

Также в журнале «Шура» авторы публикаций называют и более конкретные причины сложившейся ситуации. Одной из причин финансовой несостоятельности большей части мусульманского населения признавалось недостаточное развитие собственной банковской системы, поскольку мусульмане в силу крайней бедности были вынуждены брать деньги в долг у немусульман и, выплачивая большие проценты, тем самым способствовали утечке средств за пределы общины. Поэтому в начале XX в. мусульманские интеллектуалы начинают говорить о том, что западная банковская система уже успела охватить весь мир и противодействие ей чревато экономической кабалой непокорных: «Политически сегодня только одна-две мусульманские страны находятся под властью других, экономически же по большому счету – все мусульмане» [35. С. 466].

Кроме того, отсутствие системы полноценного образования, в частности средних и высших профессиональных учебных заведений, являло собой один из самых серьезных вызовов татарскому мусульманскому сообществу. Оно вело к целому ряду общественных проблем, среди которых основной была финансовая несостоятельность значительной части населения, вынужденной кормиться за счет тяжелого неквалифицированного труда: «Интеллигенция была озабочена тем, что татары, будучи, по сравнению с другими нациями России, довольно высокообразованным народом, продолжали пополнять отряды самых неквалифицированных и низкооплачиваемых» [36. С. 208–209].

Важно, что при разборе униженного положения мусульман в Российской империи на страницах журнала «Шура» вопросы (внутренней) политики не затрагивались. Это объясняется, во-первых, политическим контекстом, предполагавшим наличие цензуры. Во-вторых, позиция Р. Фахретдина, которая заключалась в абстрагировании от политических вопросов и которая прослеживается в его редакторской деятельности, также приводила к поискам причин внутри общины, а не за ее пределами.

Как двигаться к обществу достоинства?

Решение набора социальных проблем должно было вывести мусульман из униженного положения. В этой связи публицистам представлялся важным опыт «развитых» народов по движению к обществу достоинства. В контексте экономического благополучия к «развитым» народам авторы статей обычно относили население Западной Европы, Америки, а также (в некоторых контекстах) жителей Стамбула.

Борьбу с бедностью предлагалось начинать с правильного толкования термина *таваккул*¹⁴, который зачастую понимался как предание себя Богу в буквальном смысле, что не предполагало приложения каких бы то ни было значимых усилий для разрешения проблем как на личностном уровне, так и в национальном (*милли*) масштабе. В связи с призывом к жизни в достатке особое внимание уделялось и труду, который признавался обязательным для человека как с точки зрения мироустройства, так и с позиции шариата. Этот призыв вытекал из нового толкования понятия *таваккул* как совершения действий, необходимых для достижения желаемого результата с твердой убежденностью в том, что истинный исполнитель – Аллах [38. С. 100].

Идея труда во благо общины получила развитие и в журнале «Иктисад», который говорил о важности развития промышленности, способной обеспечить население достатком: «Больше других пользу народу приносит тот, кто, накапливая деньги в общине, привлекает в нее богатство. Кроме того, пользу народу приносит ремесленник, производящий необходимые товары для своей нации (*миллет*) и для других. Такие ремесленники не позволяют общинным деньгам уходить за ее пределы и приносят деньги в нее» [39. С. 237].

В этом вопросе с изданиями реформаторского толка был солидарен и журнал «традиционного толка» «Дин ва магишат». В частности, в нем говорится о связи трудолюбия людей с их развитием: «Если учесть, что мусульмане в России не владеют ремеслом, трата (*исраф*) молодежи, проводящей все личное время перед магазинами и расходующей свой небольшой заработок на развлечения – большой грех (*гаеп*), в то время как их родители голодают и мерзнут, трудятся на тяжелой работе, а некоторые и нищенствуют. Что может быть сквернее, чем развлекаться, не заботясь о них? В Европе разумное подрастающее поколение, владеющее различными профессиями, подобные траты не считает проявлением культуры» [40. С. 221].

Важным шагом к достойной жизни в журнале «Шура» называлось признание значения для общества богатых людей, которые дают общине развиваться в материальном отношении: «Достаток позволяет выделять пожертвования (*садака*) и заниматься благотворительностью (*ихсан*), строить мектебы и медресе, содержать учителей и шакирдов¹⁵. А какую пользу приносит бедность?!» [32. С. 753].

В журнале «Шура» также подчеркивалась роль *закята* в соблюдении экономического баланса в обществе, при этом отмечалось, что современный мир преступности и нищеты был результатом неправильного применения механизма *закята*, а также что «если бы

закят изымался у должных людей и передавался должным людям, то татары были бы самым прогрессивным народом на земле» [41. С. 176].

Поскольку нищета начинает признаваться наиболее страшным исходом, гибелью мусульман, толкающей их на преступления, то для соответствия требованиям времени, которое единственной силой признает финансовое благополучие, начинает приобретать особую важность стремление к знаниям и получение профессии. Знания и навыки рассматриваются как необходимые для достижения данной цели, эффективность чего демонстрируется на примере других народов, которые наилучшим вложением средств считали образование для своих детей. При этом состоятельным мусульманам предлагается помочь народу выйти из нищеты путем посильных пожертвований в пользу образовательных учреждений, поскольку их функционирование зависит от финансирования. Итак, почетная роль спасения мусульман от унижительной нищеты путем содействия распространению знаний и профессий возлагается на имущих единоверцев, которыми данная деятельность должна была быть воспринята как наиболее богоугодная [42. С. 560].

На страницах издания указывается, что средства *закята* зачастую расходились не по назначению, тем самым не обеспечивая эффективного расходования средств. Поэтому в начале XX в. авторы статей утверждали во мнении, что распределение средств *закята* в татарском мусульманском сообществе Российской империи происходило неправильно. Тогда заговорили о необходимости расходовать *закят* на развитие нации и религии. В этой связи представители татарской мусульманской интеллигенции выступали за более рациональное использование средств, полученных в результате сбора религиозного налога, а именно за убеждение населения в правильности направления их в сферу образования, что в будущем способствовало бы решению самой сути проблемы бедности населения путем создания условий для подрастающего поколения для получения должного образования, которое позже позволило бы найти свою нишу на рынке труда [41. С. 176]. В одном из номеров журнала «Дин ва магишат» оспаривалось соответствие между фондами благотворительных обществ (*джамгыате хайрийя*), которые могли бы собирать *закят*, и упоминаемым в Коране расходованием «ради Аллаха», что является одним из возможных направлений использования средств, полученных от сбора *закята*.

Разрешение ссудного процента также признается необходимым для выживания мусульман в условиях современного мира, а следовательно, и ислама как идеи. При такой постановке вопроса предлагается прибегнуть к *иджтихаду* и взглянуть на данную проблему «по-новому», отказавшись от привычной позиции осуждения процента [43. С. 40], поскольку те, кто принял решение вырваться из нищеты, вынуждены подчиняться западной банковской системе: «...если сегодняшний миллионер начнет уклоняться от процента и банков, то в течение 15 лет его богатство исчезнет само собой» [35. С. 466]. Отказ же от данной системы признавался равным самоубийству [Там же].

В то же время среди татар-мусульман Российской империи отношение к взиманию процента не было однозначным. В одной стороны, подчеркивалось значение изначального коранического запрета на ростовщичество (*риба*), которое в первую очередь заключалось в охране неимущих мусульман от притязаний имущих, т.е. в обеспечении людей справедливым решением. С другой же стороны, в вопросе разрешения процента предлагалось исходить из интересов народа посредством популяризации обществ малого кредитования, которые оградили бы население от зверских поборов, благодаря небольшому проценту, взимаемому лишь для содержания конторы [Там же].

В журнале «Иктисад» вопрос процента являлся наиболее дискуссионным, при этом авторы большинства публикаций высказывались за необходимость легализации процента: «Банки, от которых, прежде всего, зависят торговля и ремесла, должны быть и у нас. В наше время вести дела без банков совершенно невозможно. Поэтому Турция за неимением своих банков обратилась к иностранным и погрязла в долгах. Каждый год она платит огромные деньги иностранцам в виде процентов. Здесь очевидна невозможность вести дела без банков» [44. С. 105].

В публикациях же журнала «Дин ва магишат» авторы, полностью придерживаясь коранического запрета на взимание процента, оценивали его как греховное деяние: «получение 101 рубля вместо данных в долг 100, будь то от мусульманина или от *кафира*, – является *риба*» [45. С. 375].

Заключение

Дискуссии, проходившие в периодической печати татар-мусульман Российской империи начала XX в., характеризуют авторов публикаций периодики и чита-

тельскую аудиторию, которые находились в постоянной коммуникации. Обсуждения на страницах периодической печати велись на религиозные и нерелигиозные темы. Однако и те и другие были пропитаны обеспокоенностью судьбой народа / нации (*миллет*). В этой связи особый интерес у авторов публикаций вызывали экономические проблемы *миллета*, их причины и способы разрешения. Даже наиболее часто обсуждаемая тема образовательных реформ поднималась в связи с общей обеспокоенностью судьбой народа и неблагоприятной экономической обстановкой в общине как следствием неконструктивного и неэффективного образования.

Оценивая экономическую ситуацию в мусульманском сообществе России, авторы статей разделяли народы мира на «отсталые» и «прогрессивные», которые одновременно являлись сообществами унижения (*humiliation*) и достоинства (*dignity*). Иными словами, сложная экономическая ситуация у татар-мусульман России того времени рассматривалась как унижение общины в общероссийском контексте. Среди причин подобного положения авторы статей называли такие проблемы, как неэффективные подходы к управлению средствами обязательного мусульманского налога (*закят*), теологическая неопределенность по вопросу взимания процента (*риба*), безответственное отношение к труду.

Таким образом, главной причиной экономического унижения мусульман России оказывалась теологически не выверенная стратегия развития *миллета*. Общество достоинства (*dignity*), в котором не было бы экономического унижения, должно было стать возможным через решение вышеупомянутых проблем.

Благодарность. Автор выражает признательность Альфриду Бустанову за ценные замечания и рекомендации.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Закят* – религиозный налог, обязательный для лиц, обладающих установленным минимумом. Существуют категории получателей средств *закята*, среди которых самым гибким является *фи сабил-иллах* («на пути Аллаха»).

² *Садака* – в узком, правовом значении – то же, что и *закят*. В широком смысле: добровольные пожертвования.

³ *Махалля* – квартал в мусульманском городе, центром жизни которого по обыкновению являлась мечеть.

⁴ *Мектеп* – начальное исламское учебное заведение.

⁵ Изначально термин *байт ал-мал* (от араб. «дом имущества») обозначал помещение, в котором хранились все финансовые поступления, рассматривавшиеся как общее имущество всех мусульман; впоследствии под ним стали пониматься и сами средства, принадлежавшие всей общине [3. С. 74].

⁶ Запрет на взимание процента является кораническим, в частности восприятие взимания процента упоминается в аятах 2:275, 3:130, 4:160–161 [3. С. 33]. Более подробно об отношении к ссудному проценту в исламе см.: [Там же. С. 32–41].

⁷ Хусаин Фаизханов (1823–1866) – известный татарский филолог, историк, археолог, педагог.

⁸ Зыязтдин Камали (1873–1942) – богослов и педагог.

⁹ Газета «Терджиман» выпускалась крымско-татарским педагогом и издателем Исмаилом Гаспринским в Бахчисарае в 1883–1918 гг. на двух языках: тюркском и русском.

¹⁰ Риззэтдин Фахретдин (1859–1936) – богослов, историк, писатель, представитель мусульманского духовенства (*кади* ОМДС в 1891–1906 гг., *муфтий* ЦДУМ в 1922–1936 гг.), публицист, главный редактор журнала «Шура» («Совет»).

¹¹ «Литературный, научный, политический журнал». Публиковался дважды в месяц в 1908–1917 гг. в Оренбурге. Главным и бессменным редактором издания был Р. Фахретдин, который для публицистической деятельности оставил свою должность *кади* в ОМДС.

¹² Ежедневный «религиозный, научный, литературный и политический журнал», издавался в Оренбурге в 1906–1918 гг.

¹³ Ежемесячный журнал, «посвященный вопросам торговли, сельского хозяйства и промышленности», выходил в Самаре в 1908–1913 гг.

¹⁴ Таваккул (от глагола таваккала – «уповать», «полагаться на кого-либо») – термин коранического происхождения (3:122/188, 159/153; 5:23/26; 9:51; 14:12/15; 25:58/60; 65:3 и др.), обозначающий предание себя божественной воле, в частности отказ от добывания средств к существованию в расчете на то, что пошлет Аллах [37. С. 217].

¹⁵ Шакирд – ученик медресе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Салихов Р.Р. Татарская буржуазия Казани и национальные реформы второй половины XIX – начала XX вв. Казань : Мастер Лайн, 2001.
2. Фахретдин Р. Эхмэт бай (1837–1906). Оренбург : Тип. газеты «Вакт», 1911.

3. Беккин Р.И. Исламская экономическая модель и современность. М. : Марджани, 2009.
4. Буби Г. Зэкәт вә земство // Шура. 1917. № 4. 90–91 б.
5. Исхаков Д.М. Феномен татарского джадидизма: введение к социокультурному осмыслению. Казань : Иман, 1997.
6. Хабутдинов А.Ю. Воспитание личности мусульманина в системе джадидского образования в медресе // Система мусульманского религиозного образования у татар: история, проблемы, перспективы : сб. материалов науч.-практ. конференции. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2005. С. 22–26.
7. DeWeese D. It was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia // JESHO. 2016. Vol. 59, № 1-2. P. 37–92.
8. Бустанов А., Дородных Д. Джадидизм как парадигма в изучении ислама в Российской империи // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2017. № 3. С. 112–133.
9. Ананьич Б.В. Банкирские дома в России 1860–1914 гг. : очерки истории частного предпринимательства. Л. : Наука, 1991.
10. Фаизханов Х. Реформа медресе. Н. Новгород : Медина, 2007.
11. Фаизханов Г.Ф. Мухаррик аль-афкар (Двигатель мыслей). Н. Новгород : Махинур, 2006.
12. Камали З.Д. Философия ислама : в 2 т. Казань : Татарское кн. изд-во, 2010. Т. 1, ч. I: Философия вероубеждения.
13. Фәхретдин Р. Мәктәп вә зәкәт. Хәзинә вә земство ярдаме. Оренбург : Кәримов, Хөсәенов вә ширкәсе, елы билгесез.
14. Манифест об усовершенствовании государственного порядка 17 октября 1905 г. // Российское законодательство X–XX вв. : в 9 т. / отв. ред. О.И. Чистяков. М., 1994. Т. 9: Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций. С. 41.
15. Загидуллин И.К. Перепись 1897 года и татары Казанской губернии. Казань : Татарское кн. изд-во, 2000.
16. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М. : КАНОН-пресс-Ц ; Кучково поле, 2001.
17. Lazzerini E.J. Ismail Bey Gasprinskii's Perevodchik/Tercüman // Central Asian monuments / ed. by H. Paksoy. Istanbul, 1992. P. 143–156.
18. Фәхретдин Р. Мәсләк вә максат // Шура. 1908. № 1. 1 б.
19. Галигузина (Брилева) Д.С. Религиозное реформаторство и социальные реформы в татарском мусульманском сообществе России в начале XX века (на примере публикаций журнала «Шура» (1908–1917)) // Исторические судьбы народов Поволжья и Приуралья : сб. ст. Казань : Ихлас ; Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2011. Вып. 2: Материалы Всероссийской научной конференции «Исторический опыт этноконфессионального взаимодействия в Среднем Поволжье и Приуралье (XVI – начало XX вв.)» (Казань, 5–6 октября 2011 г.). С. 196–201.
20. Зарипов И.А. «Икътисад» – первый российский журнал по исламской экономике // Филология и культура. Philology and Culture. 2013. № 1 (31). С. 193–197.
21. Зарипов И.А. Закир Аюханов и проблемы захиритской методологии в татарском богословии начала XX века // Научный Татарстан. 2013. № 3. С. 13–19.
22. Зарипов И.А. Татарские джадиды о соотношении религиозных и светских налогов // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2014. Т. 156, № 4. С. 181–188.
23. Зарипов И.А. Джадидистская экономика: татарские религиозные реформаторы начала XX в. о ростовщичестве и банках // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 3 (36). С. 42–59.
24. Брилева Д.С. О женщине и устами женщины: мусульманка в татарской периодической печати начала XX в. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2018. № 2 (36). С. 17–36.
25. Насыров Т. Репрессированная татарская пресса (1917–1918 гг.) // Эхо веков. 2006. № 1. URL: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg/numbers/2006_1/02/02_2/&searched=1 (дата обращения: 22.02.2018).
26. Margalit A. The Decent Society. Translated by Naomi Goldblum. Cambridge, MA ; London, 1998.
27. Сибгатуллина А.Т. Контакты тюрок-мусульман Российской и Османской империй на рубеже XIX–XX вв. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2010.
28. Dudoignon S. Echoes to al-Manar among the Muslims of the Russian Empire. A preliminary research note on Riza al-Din b. Fakhr al-Din and Sura (1908–1918) // Intellectuals in the Modern Islamic world. Transmission, transformation, communication. London–New York, 2006. P. 85–116.
29. Газиз Г. Дин мәдрәсәләрендә мантыйк // Мәктәп. 1913. № 2. 43 б.
30. Верт П. Арбитры свободной совести: конфессиональная идентификация и смена веры в России (1905–1917) // Православие, инославие, иноверие : очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М. : Новое литературное обозрение, 2012. С. 43–64.
31. Джераси Р. Окно на Восток: империя, ориентализм, нация и религия в России. М. : Новое литературное обозрение, 2013.
32. Жданов М. Шәргъ назарында: дөнья, фәкър, гыйнә, тәвәккүл һәм кәсеп // Шура. 1914. № 21. 655 б.; № 22. 682 б.; № 24. 752–753 б.
33. Төркиядә мөселманлар вә әжнәбиләр // Шура. 1909. № 8. 229 б.
34. Бикмеев А. Ислам тижәрәте вә әжнәбиләр // Шура. 1909. № 5. 136 б.
35. Вак бурыч жәмгыятьләре вә риба // Шура. 1912. № 15. 466 б.
36. Мухаметшин Р.М. Система образования у татар в начале XX века: состояние, проблемы и перспективы // Источники существования исламских институтов в Российской империи : сб. ст. Казань : Ин-т истории АН РТ, 2009. С. 198–211.
37. Ислам : энциклопедический словарь. М. : Наука, 1991.
38. Жданов М. Шәргъ назарында: дөнья, фәкър, гыйнә, тәвәккүл һәм кәсеп // Шура. 1915. № 4. 100 б.
39. Милләт өчен кем файдалы? // Икътисад. 1909. № 8. 237 б.
40. Әл-Әмини Г. Кәсеп вә ширкәт // Дин вә мәгыйшәт. 1907. № 14 (15 апр.). 221 б.
41. Садыйков Ш. Зәкәт вә андан файдалану // Шура. 1916. № 7. 176 б.
42. Измайлов Ш. Фәкыйрьлек // Шура. 1914. № 18. 560 б.
43. Риба һәм вак бурыч жәмгыятьләре // Шура. 1913. № 2. 40 б.
44. Без банканы ничек юлга салдык // Икътисад. 1913. № 4. 105 б.
45. Бәрди М. Риба хақында // Дин вә мәгыйшәт. 1907. № 24. 375 б.

Diliara S. Brileva, A. Krymsky Institute of Oriental Studies National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine). E-mail: diliarabrileva@gmail.com

WELFARE AS DIGNITY: PUBLIC DISCUSSIONS IN THE PERIODICAL PRESS OF THE MUSLIM TATARS OF THE RUSSIAN EMPIRE IN THE EARLY TWENTIETH CENTURY

Keywords: history of the Russian Empire; history of Islam in Russia; the Tatar periodical press; journal «Shura»; journal «Iktisad».

This study deals with public theological discussions on economic issues that took place in the Tatar Muslim community of the Russian Empire of the early twentieth century. The work is based on the analysis of the materials of the periodical press of the Muslim Tatars of the Russian Empire in the early 20th century, in which questions related to the economic problems of the Muslim community of Russia the most frequently raised. Among the periodicals analyzed are the specialized economic journal «Iktisad» / «Economics», the most authoritative periodical of that time «Shura» / «Council», «traditional» Muslim journal «Din va magishat» / «Religion and Life». The purpose of the article is to study the theological discourse on the economic situation of Muslims through the prism of the category of *dignity* proposed by Avishai Margalit. Issues raised and discussed in the periodical press of Muslim Tatars of the Russian Empire in

the early twentieth century were considered in connection with the fate of the nation (*millet*) and its progress. In this regard, the authors of the articles divided the peoples of the world into «backward» and «developed», putting the Muslims in the first category. This differentiation turned into a divide of nations (*millet*) into communities of dignity and communities of humiliation. The authors of the periodicals saw one of the most urgent problems of that time in the difficult economic situation of Muslims both in Russia and around the world. The authors of the articles regarded the economic backwardness of the Muslims of Russia as a humiliated position in the all-Russian context. According to A. Margalit, humiliation is easier to describe than *dignity*. In the opinion of the authors of the periodicals, the unsatisfactory economic situation of Muslims was an expression of the collective (self)-humiliation of Muslims. Defining their position as humiliating, Muslims contrasted themselves to the Other – non-Muslims who existed in the absence of collective economic humiliation. In their turn, the reasons for such a situation were seen by the authors of the articles in connection with other problems, such as ineffective approaches to the management of compulsory Muslim tax funds (*zakah*), theological uncertainty regarding the issue of interest (*riba*), an irresponsible attitude to labor. The answer to this challenge of the time was the desire for a society of dignity, which could become possible through the solution of the above-mentioned problems. Thus, the thoughts of the authors of the articles about the economic problems of the Tatar Muslims of Russia were part of a general discourse about the desire for a decent life.

REFERENCES

- Salikhov, R.R. (2001) *Tatarskaya burzhuaziya Kazani i natsional'nye reformy vtoroy poloviny XIX nachala – XX vv.* [The Tatar bourgeoisie of Kazan and the national reforms of the second half of the 19th century and the early 20th century]. Kazan: Master Layn.
- Fekhretidin, R. (1911) *Ekhmet bay (1837–1906)*. Orenburg: Vakt.
- Bekkin, R.I. (2009) *Islamskaya ekonomicheskaya model' i sovremennost'* [Islamic economy model and modernity]. Moscow: Mardzhani.
- Bubi, G. (1917) *Zeket ve zemstvo* [Zakat and Zemstvo]. *Shura*. 4. pp. 90–91.
- Iskhakov, D.M. (1997) *Fenomen tatarskogo dzhadidizma: vvedenie k sotsiokul'turnomu osmysleniyu* [The phenomenon of Tatar Jadidism: an introduction to sociocultural comprehension]. Kazan: Iman.
- Khabutdinov, A.Yu. (2005) *Vospitanie lichnosti musul'manina v sisteme dzhadidskogo obrazovaniya v medrese* [Education of a Muslim in the Jadid education system in the madrasah]. In: Sultanov, F.M. & Safiullina, R.R. (eds) *Sistema musul'manskogo religioznogo obrazovaniya u tatar: istoriya, problemy, perspektivy* [The system of Muslim religious education among the Tatars: history, problems, prospects]. Kazan: AS of RT. pp. 22–26.
- DeWeese, D. (2016) It was a Dark and Stagnant Night ('til the Jadids Brought the Light): Clichés, Biases, and False Dichotomies in the Intellectual History of Central Asia. *JESHO*. 59 (1–2). pp. 37–92. DOI: 10.1163/15685209-12341393
- Bustanov, A. & Dorodnykh, D. (2017) Jadidism as a Paradigm for Studying Islam in the Russian Empire. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 3. pp. 112–133. (In Russian).
- Ananich, B.V. (1991) *Bankirskie doma v Rossii 1860–1914 gg. Ocherki istorii chastnogo predprinimatel'stva* [Banking houses in Russia in 1860–1914. Essays on the history of private entrepreneurship]. Leningrad: Nauka.
- Faizkhanov, Kh. (2007) *Reforma medrese* [Reform of the madrasah]. Nizhny Novgorod: Medina.
- Faizkhanov, G.F. (2006) *Mukharrik al'-afkar (Dvigatel' mysley)* [The Engine of Thoughts]. Nizhny Novgorod: Makhinur.
- Kamali, Z.D. (2010) *Filosofiya islama: v 2 t.* [Philosophy of Islam: in 2 vols]. Vol.1. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Fekhretidin, R. (n.d.) *Mektep ve zeket. Khezine ve zemstvo yardeme* [School and zakah. Support of exchequer and zemstvo]. Orenburg: Kerimov, Khoseenov ve shirkese.
- Chistyakov, O.I. (ed.) (1994) *Rossiyskoe zakonodatel'stvo X–XX vv. : v 9 t.* [Russian legislation of the 10th – 20th centuries: in 9 vols]. Vol. 9. Moscow: Yuridicheskaya literatura. p. 41.
- Zagidullin, I.K. (2000) *Perepis' 1897 goda i tatary Kazanskoy gubernii* [The census of 1897 and the Tatars of the Kazan Governorate]. Kazan: Tatarskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Anderson, B. (2001) *Vobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities. Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Translated from English. Moscow: KANON-press-Ts, Kuchkovo pole.
- Lazzerini, E.J. (1992) Ismail Bey Gasprinskiy's Perevodchik/Tercüman. In: Paksoy, H. (ed.) *Central Asian Monuments*. Istanbul: The Isis Press. pp. 143–156.
- Fekhretidin, R. (1908) *Meslek ve maksat* [The way and the purpose]. *Shura*. 1. p. 1.
- Galikhezina, D.S. (Brileva, D.S.) (2011) *Religioznoe reformatorstvo i sotsial'nye reformy v tatarskom musul'manskom soobshchestve Rossii v nachale XX veka (na primere publikatsiy zhurnala "Shura" (1908–1917))* [Religious reform and social reforms in the Muslim Tatar community of Russia in the early 20th century (a cases study of "Shura" (1908–1917))]. In: Zagidullin, I.K. (ed.) *Istoricheskie sud'by narodov Povolzh'ya i Priural'ya* [Historical Destinies of the Peoples of the Volga and Ural Regions]. Vol. 2. Kazan: Ikhlas, Sh. Mardzhani Institute of History, AS RT. pp. 196–201.
- Zaripov, I.A. (2013) "Ikatisad" – the first Russian journal on Islamic economics. *Filologiya i kul'tura – Philology and Culture*. 1(31). pp. 193–197. (In Russian).
- Zaripov, I.A. (2013) Zakir Ayukhanov and problems of the Zahiri school's methodology in Tatar theology of the early twentieth century. *Nauchnyy Tatarstan*. 3. pp. 13–19. (In Russian).
- Zaripov, I.A. (2014) The Ideas of Tatar Jadids about the Correlation between Islamic Donations and National Taxes. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki – Proceedings of Kazan University. Humanities Series*. 156(4). pp. 181–188. (In Russian).
- Zaripov, I.A. (2018) Jadidist Economics: Early 20th Century Tatar Religious Reformers on Usury and Banks. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 3(36). pp. 42–59. (In Russian).
- Brileva, D. (2018) Women Talking About Women: A Muslim Woman in the Tatar Periodical Press of the Early 20th Century. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2(36). pp. 17–36. (In Russian).
- Nasyrov, T. (2006) *Repressirovannaya tatarskaya pressa (1917–1918 gg.)* [Repressed Tatar periodical press (1917–1918)]. *Ekho vekov*. 1. [Online] Available from: http://www.archive.gov.tatarstan.ru/magazine/go/anonymous/main/?path=mg:/numbers/2006_1/02/02_2/&searched=1 (Accessed: 22nd February 2018).
- Margalit, A. (1998) *The Decent Society*. Translated by N. Goldblum. Cambridge, Massachusetts, London, England: Harvard University Press.
- Sibgatullina, A.T. (2010) *Kontakty tiurok-musul'man Rossiyskoy i Osmanskoy imperii na rubezhe XIX–XX vv.* [Contacts of Turkic Muslims of the Russian and Ottoman Empires at the turn of 20th century]. Moscow: Institute of Oriental Studies RAS.
- Dudoignon, S. (2006) Echoes to al-Manar among the Muslims of the Russian Empire. A preliminary research note on Riza al-Din b. Fakhr al-Din and Sura (1908–1918). In: Dudoignon, S.A., Komatsu, H. & Kosugi, Ya. (eds) *Intellectuals in the Modern Islamic world. Transmission, transformation, communication*. London-New York: Routledge. pp. 85–116.
- Gaziz, G. (1913) *Din medreselerende mantyk* [Logics in religious madrasahs]. *Mektep*. 2. p. 43.
- Werth, P. (2012) *Pravoslaviye, inoslaviye, inoverie: ocherki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossiyskoy imperii* [Orthodoxy, Unorthodoxy, Heterodoxy: Essays on the History of Religious Variety in the Russian Empire]. Translated from English by N. Mishakova, M. Dolbilov, N. Zueva. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. pp. 43–64.
- Geraci, R. (2013) *Okno na Vostok: Imperiya, orientalizm, natsiya i religiya v Rossii* [Window on the East: National and Imperial Identities in Late Tsarist Russia]. Translated from English. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

-
32. Zhdanov, M. (1914) "Sherg" nazarynda: don'ya, fek'r, gyyne, tevekkul hem kesep" [Dunja, poverty, wealth, tavakkul and kasp in terms of sharia]. *Shura*. 21. p. 655; 22. p. 682; 24. p. 752 – k 753.
33. Anon. (1909) Torkiyade moselmanlar ve ejnebler [Muslims and foreigners in Turkey]. *Shura*. 8. p. 229.
34. Bikmeev, A. (1909) Islam tijerete ve ejnebler [Islamic trade and foreigners]. *Shura*. 5. p. 136.
35. Anon. (1912) Vak burych jemgyyatlere ve riba [Small credit societies]. *Shura*. 15. p. 466.
36. Mukhametshin, R.M. (2009) Sistema obrazovaniya u tatar v nachale XX veka: sostoyanie, problemy i perspektivy [The education system of the Tatars in the early twentieth century: the situation, problems and prospects]. In: Zagidullin, I.K. (ed.) *Istochniki sushchestvovaniya islamskikh institutov v Rossiyskoy imperii* [Sources of Islamic institutions in the Russian Empire]. Kazan: Sh. Mardzhani Institute of History, AS RT. pp. 198–211.
37. Prozorov, S.M. (1991) *Islam: Entsiklopedicheskiy slovar'* [Islam: Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Nauka.
38. Zhdanov, M. (1915) Sherg" nazarynda: don'ya, fek'r, gyyne, tevekkul hem kesep. *Shura*. 4. p. 100.
39. Anon. (1909) Millet ochen kem faydaly? [Who is useful for millet?] *Ik'tisad*. 8. p. 237.
40. El-Emini, G. (1907) Kesep ve shirket. *Din ve meg'yishet*. 14. p. 221.
41. Sadykov, Sh. (1916) Zeket ve andan faydalanu. *Shura*. 7. p. 176.
42. Izmaylov, Sh. (1914) Fekyyr'lek [Poverty]. *Shura*. 18. p. 560.
43. Anon. (1913) Riba hem vak burych jemgyyat'lere [Interest and small credit societies]. *Shura*. 2. p. 40.
44. Anon. (1913) Bez bankany nichek yulga saldyk [How did we establish a bank]. *Ik'tisad*. 4. p. 105.
45. Berdi, M. (1907) Riba khakynda [On interest]. *Din ve meg'yishet*. 24. p. 375.